19. Цивільне право України: Підручник / Є.О. Харитонов, Н.О. Санаіхметова. – К.: Істина, 2003. – С. 80.
20. Агарков М.М. Понятіє сделки по советскому гражданскому праву // Советское государство и право. – 1946. – №3-4. – С. 41.
21. Толстой В.С. Понятіє и значеніє односторонних сделок в советском гражданском праве // Труды ВЮЗИ. – Т.5. – 1966. – С. 149; Толстой В.С. Понятіє и значеніє односторонних сделок в советском гражданском праве: Автореферат дис... канд. юрид. наук. – М., 1966. – С. 8 и след.; Алексеев С.С. Односторонніє сделки в механизме гражданско-правового регулірованія // Антологія уральської цивілістики 1925-1989: Сборник статей. – М.: “Статут”, 2001. – С. 54-68.
22. Кикоть Г. Проблема класифікації юридичних фактів у сучасній теорії права // Право України. – 2003. – №7. – С. 31.
23. Рабінович П.М. Основи загальної теорії права та держави. – Видання 5-те, зі змінами: Навчальний посібник. – К.: Атіка, 2001. – С. 85.

УДК 347.79(091)(358)

С.А. Кузнецов

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ОРГАНИЗАЦИИ СУДОХОДСТВА ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ (ЛАГАШ, III ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ ДО Н. Э.)

Изучению проблем эффективности государственного управления посвящали свои работы ученые-административисты и в недалеком прошлом, и в настоящее время. Достаточно много внимания было уделено проблемам совершенствования государственного управления в отдельных сферах общественного производства. Вопросам совершенствования государственного управления в сфере судоходства внимания практически не уделялось.

Изучение и анализ опыта организации управления в сфере судоходства позволит сформировать объективную историко-правовую базу, использование которой будет служить правильному выбору стратегии и тактики реформирования административно-правовых методов регулирования отношений, возникающих в торговом мореплавании.

В свое время Л.С. Васильев сделал вывод о том, что: “В ранних политических структурах главной функцией возникавшей надобщинной политической власти обычно становилась организационно-экономическая ...” [1, 76]. Мы вполне согласны с таким мнением [2]. Однако считаем необходимым выделить и проанализировать аспекты обеспечения реализации этой функции, в частности нормативно-правового обеспечения. Так, например, М. Ливерани считает, что хозяйственные тексты богаты материалами для реконструкции политической истории, “но для Месопотамии (несмотря на большие возможности) пока сделано чрезвычайно мало” ... “то, что уже делалось в этой области по части аналитических исследований, заслуживало бы быть продолженным и развитым и при этом должно было бы сливаться с трудами более широкого диапазона. Лишь продолжая вносить новые идеи и проблемы в застывшую картину древневосточной истории, можно добиться, чтобы эта картина приобрела жизнь и значение для нашей культуры” [3, 61, 67].

Древнейшее рабовладельческое общество и государства складываются в южной части долины рек Тигра и Евфрата примерно в то же время, что и в Египте. Здесь возникает второй очаг цивилизации, который оказал большое влияние на политическую, экономическую и культурную историю всего древнего мира. Равнинную часть страны, расположенную между Тигром и Евфратом в их нижнем и среднем течении, называют обычно греческим словом Месопотамия (Междуречье). Южную ее часть, где течение обоих рек сближалось (в основном к югу от района столицы современного Ирака – Багдада), называют “Двуречье” [4, 191].

Исторические памятники III тысячелетия свидетельствуют о том, что морским путем, шедшим по Персидскому заливу, Месопотамия была связана с другими странами [4, 193]. Месопотамия политически еще не объединена и на ее территории находилось несколько десятков городов-государств (“номов”): Эриду, Ур, Ларса, Лагаш, Умма, Урук, Шуруппак, Ниппур, Киш, Сиппар, Эшнунна, Ашшур.

В целом об истории различных “номов” Двуречья в это время и их недолговечных объединений то тем, то другим гегемоном у нас имеются лишь отрывочные сведения. Исключение составляет только “ном” Лагаш [5], от которого дошло много надписей и документов; они позволяют довольно полно представить его внешнеполитическую и внутреннюю историю примерно с 2500 по 2312 гг. до н. э. Его история позволяет нам получить некоторое представление о том, что творилось тогда в Нижней Месопотамии вообще [6].

О древнейшей истории Лагаша нам известно мало. Поселения, а значит, и канал существовали здесь уже не позже чем на рубеже V и IV тыс. до н. э. Магистральные каналы одновременно служили и транспортными путями, по которым на тростниковых ладьях перевозили людей и грузы [7, 194].

Династия, при которой количество письменных источников возрастает (условно называемая I династией Лагаша), начинается с Ур-Нанше (или Ур-Нази). Основная деятельность Ур-Нанше состояла в восстановлении старых и сооружении новых каналов и плотин, в постройке городских стен (столица “нома” была перенесена из собственно Лагаша в Нгирсу), а также храмов в разных общинах лагашского “нома”. Ур-Нанше вел морскую торговлю со странами по Персидскому заливу, вероятно, через гавань Гуаба, связанную с Лагашем и Нгирсу каналом (по которому можно было бурлачить груженные ладьи), а с морем – лагуной [7, 195].

От общества древнего Шумера “до нас не дошло законодательных памятников [8] ... В древнейшем Шумере, по-видимому, еще не было писаного права; судебные дела разрешались по обычаю ... ” [9, 200]. Древнейшие из известных ныне текстов, которым присущ законодательный характер [10], восходят еще к раннединастическому периоду [11, 29]. Первым из них является так называемая “Овальная пластинка”, которую до сих пор приписывали Уруинимгине, но теперь следует отнести к его предшественнику Энметене. М. Ламбер опубликовал надпись Энметены на каменной табличке, и из этой надписи следует, что Энметена принимал некие “реформаторские” меры [12, 3]. “Дело в том, – считает В.А. Якобсен, – что, хотя “Овальная пластинка” содержит сведения о событиях, имевших место в правление Энметены, ее основной текст весьма сходен с тек-

стом так называемых “Реформ” Урунимгина [13, 12]. О законодательной же деятельности Энметены его надписи не упоминали.

Древнейшей известной нам попыткой записи права были законы, проведенные в связи с так называемой “реформой Урунимгина” в Лагаше в XXIV в. до н. э. Эти законы известны лишь в изложении, сам текст их не сохранился.

Урунимгина был возведен в должность энси около 2400 г. до н. э. (по уточненным данным, в 2318 г. до н. э.) в результате переворота, свергнувшего правителя Лугальанду. Ни Энентарзи, ни его сын Лугальанда не делали ничего для укрепления военной мощи Лагаша, а обстановка в стране была тревожной: многие “номы” боролись за верховную власть. Недовольство лагашитов вылилось в низложение Лугальанды. По-видимому, совет знати просто воспользовался своим правом низложения правителя. В должность энси был возведен свойственник Лугальанды – Урунимгина (раньше его имя шумерологи неправильно читали – Урукагина) [7, 207].

В первый год своего правления Урунимгина носил тот же титул, как и Лугальанда, а именно “энси” (PA-TE-SI), но со следующего года уже титул “царя” (lugal), причем счет годов правления был начат заново. Реформы, о которых здесь будет идти речь, были произведены в первый царский год правления Урунимгина [15, 16].

Тексты, из которых нам известно о реформах Урунимгина, следующие: 1) глиняный конус “В”, сохранившийся полностью и сообщающий о строительной и реформаторской деятельности Урунимгина; 2) глиняный конус “С”, являющийся точной репликой предыдущего; 3) глиняный конус “А”, сохранившийся во фрагментарном виде (“А”, “В”, “С” – условные обозначения, принятые И.М. Дьяконовым). Памятники “В” и “С” были написаны раньше, чем памятник “А”, а именно в первый царский год Урунимгина (что видно из упоминаемых объектов строительства), но ни те, ни другие не представляют собой текста самих законов, а только рассказывают о них. Поэтому дата написания текстов может служить только *terminus ante quem* [16, 544] для даты издания законов [15, 16].

Далее мы приводим выдержки из перевода текстов “В/С” и “А”, который был сделан И.М. Дьяконовым и, по его утверждению, “основанный на несколько ином, чем ранее, понимании некоторых терминов” [17].

Текст “В/С” [18]: “ ...

(II)

(3) С давних дней, с прошлых времен [19], тогда [20]

(§ 1) корабельщик [21] кормился с судов [22], ...

с рыболовных сетей кормился надзиратель рыбаков ...

(§ 6) от “Границы Нингирсу” [23]

до моря имелись судебные сборщики (пошлины) [24] ...

(§ 9а) ... в этом был прежний закон [25]

(III)

(§ 1) *от судов он отстранил корабельщика, ..., от рыболовных сетей (?) он отстранил надзирателя рыбаков; ...*

(§ 6) *от “Границы Нингирсу” до моря никого не стало ...”.*

Текст “А”:

“... (§ 1) человека, (состоявшего) при судовщиках (матросах), который кормился с судов, ...

надзирателя рыбаков, который кормился с рыболовных сетей (?) ... ”.

В 1983 году И.М. Дьяконов предложил уже несколько иную версию перевода [26]. Мы приводим отрывки, интересующие нас, обращая внимание на то, что сам И.М. Дьяконов приводит “лишь некоторые, более понятные отрывки” [7, 208-209]:

“С прежних дней, издавна –

тогда корабельщик пользовался (?) ладьями (т.е. извлекал из них доход ?), ... рыболовными сетями (?) пользовался (?) надзиратель рыбаков; ...

от (канала) “Граница Нин-Нгирсу” до моря приказывали сборщики пошлины (?); ... судьбу былую он восстановил;

слово, которое Нин-Нгирсу, его хозяин, ему сказал, он воспринял:

от ладей он отстранил корабельщика, ...

от рыболовных сетей (?) он отстранил надзирателя рыбаков; ...”.

Следовательно, Уруинимгина лишил представителей светской администрации правителя – главных корабельщиков и надзирателей над рыбаками – права взимать доходы с подведомственных им (храмовых) судов, скота и рыбных промыслов. Это весьма вероятно, потому что приведенный нами в разных вариантах параграф помещен в начале текста “В/С”, посвященного главным образом храму и жречеству (§ 1) [15, 26].

1. Ни чисто филологические, ни чисто юридические методы, ни даже те и другие вместе недостаточны для изучения клинописного права. Всегда необходимо принимать во внимание весь комплекс исторических, экономических и социально-культурных факторов, находящихся в праве свое, подчас весьма неявное отражение [27].

2. Мероприятия, связанные с проведением Уруинимгиной реформы, имели нормативно-правовое обеспечение – издание соответствующих “царских” постановлений (возможно, даже их “оглашение” в устной форме).

3. Ограниченное количество историко-правовых источников и их фрагментарность позволяет тем не менее выделить в них содержание, касающееся организации судоходства. Это позволяет нам сделать вывод о том, что эта сфера хозяйственной деятельности (отрасли общественного производства) имела достаточно важное значение для древнего Лагаша.

4. Анализ содержания рассмотренного нами историко-правового источника не позволяет сделать вывод о распространении “царских” постановлений на организацию внешней морской торговли, хотя их действие в пространстве распространяется “до моря”.

5. О наличии в распоряжении “царя” Лагаша военно-морского флота и о проведении каких-либо морских походов в этот период сведения отсутствуют.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильев Л.С. Феномен власти-собственности // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. – М., 1982.
2. См. также: Меликишвили Г.А. Об основных этапах развития древнего Ближневосточного общества // Вестник древней истории. – 1985. – № 4. – С. 8.
3. Ливерани М. Проблемы и направления исследований в области истории древнего Ближнего Востока // Вестник древней истории. – 1969. – № 4. – С. 60–67.
4. Всемирная история: В 10 т. – М., 1956. – Т. 1.
5. Интересно отметить, что “ном” Лагаш был достаточно “изолирован” от остальных “номовых государств”.
6. Из Ура и Урука до нас дошло почти столько же надписей, однако они короче и не подкреплены архивными документами, которыми богат Лагаш.
7. История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 1. Месопотамия / Под ред. И.М. Дьяконова. – М., 1983.
8. Свое отношение к употреблению подобных терминов и терминологических сочетаний, которое нашло отражение в названии настоящей статьи, мы попытались обосновать в наших предыдущих работах. См.: Кузнецов С.А. Исторические источники: понятие, определение и содержание // Митна справа. – 2005. – № 6. – С. 61–66.
9. Дьяконов И.М. Законы Вавилонии, Ассирии и Хетского царства // Вестник древней истории. – 1952. – № 3.
10. Klima J. Nejstarsi zakony lidstva. Chammurapi a jeho predchudci. – Praha: Academia, 1979.
11. Н.М. Азаркин выделяет “два периода: шумерский (VII – III тыс. до н. э.) и аккадский, вавилоно-ассирийский (III тыс. – V в. до н. э.). См.: Азаркин Н.М. Всеобщая история юриспруденции: Курс лекций. – М., 2003.
12. Lambert M. Une inscription nouvelle d'Entemena, prince de Lagash // Revue de Louvre et de Musees de France. – 1971. – № 4 – 5. – 21. В настоящее время имя предшественника Уруинимгины переводится как Энтемена.
13. Якобсон В.А. Возникновение писаного права в Древней Месопотамии // Вестник древней истории. – 1981. – № 4. – С. 12.
14. Так называемый “Конус Энтемены” представляет собой овальную каменную пластину, сохранившуюся частично. После изложения реформ в ней сообщалась история Лагаша по крайней мере со времен Энтемены (сохранилась часть дословного изложения исторического текста этого правителя). См.: Дьяконов И.М. Реформы Урукагины в Лагаше // Вестник древней истории. – 1951. – № 1. – С. 16.
15. Дьяконов И.М. Указ соч. – С. 15 – 32.
16. *Terminus a quo* – исходный пункт. См.: Философский словарь / Под ред. М.М. Розенталя, П.П. Юдина. – М., 1963.
17. И.М. Дьяконов утверждает, что ко времени окончания им его работы (1951 г.), на русском языке комментированного перевода текстов реформ Уруинимгины не существовало, а имелся лишь перевод-переложение, изданный в учебных целях. (См.: Хрестоматия по истории древнего мира / Под ред. В.В. Струве. Т. I. Древний Восток. – М., 1950). См.: Дьяконов И.М. Указ. соч. – С. 17.
18. По-мнению И.М. Дьяконова, текст конусов “В/С” это “основной наш источник, являющийся, по-видимому, выборкой положений нового законодательства” // Дьяконов И.М. Указ. соч. – С. 17.
19. Ранее Даймель переводил эту часть текста следующим образом: “Против обычая, как он издревле и изначала существовал ...”. И.М. Дьяконов утверждает, что “этого в тексте нет, а лишь выражает то, что Урукагина якобы имел в виду”. См.: Дьяконов И.М. Указ. соч. – С. 20.
20. Далее сообщается, что “с давних дней, с прошлых времен, в те дни” имел место ряд обстоятельств, которые Уруинимгина считает предосудительными. Перечень этих обстоятельств (не всегда понятных) занимает в тексте весьма значительное место. См.: Якобсон В.А. Возникновение писаного права в Древней Месопотамии // Вестник древней истории. – 1981. – № 4. – С. 13.
21. Даймель считает, что lu-ma-lah(a) “корабельщик” отличается от ma-lah – “лодочник”, “матрос”. Здесь и далее мы приводим замечания к переводу Даймеля, сделанные И.М. Дьяконовым.

22. Включает понятие об официальном “держании” какого-либо “источника доходов” – по И.М. Дьяконову.
23. Канал, отделявший на севере территорию Лагаша от территории Уммы (см.: Вестник древней истории. – 1950. – № 2. – С. 79. Прим. 5).
24. Звание maskim-di (аккадское – gabisum) имело в различные эпохи различные значения, но почти всегда обозначало официального представителя государственной власти, в функции которого обычно входил сбор податей (замечание И.М. Дьяконова).
25. Даймель переводит: “прежний порядок он восстановил”. В.А. Якобсон считает, что эта фраза “по-видимому, означает: “(Божественный) порядок прежний где был?”. Более распространенный перевод: “Таков был прежний порядок”. По его мнению, предлагавшийся И.М. Дьяконовым перевод “закон” вряд ли возможен уже хотя бы потому, что слово pelludu, как и другой его аккадский синоним ragsu, никогда не употреблялся в этом смысле. Эта фраза приобретает особый смысл, если учесть, что двумя-тремя десятилетиями раньше такие же “беспорядки” констатировал и пытался исправить Энметена. См.: Якобсон В.А. Указ. соч. – С. 13.
26. Работа И.М. Дьякова служит подтверждением вывода, который был сделан незадолго до этого В.А. Якобсоном: “Текст труден для понимания. Окончательное истолкование всех этих текстов во всех их деталях пока еще, видимо, невозможно”. См.: Якобсон В.А. Указ. соч. – С. 12.
27. Мы занимаемся этим выводом у В.А. Якобсона. См.: Якобсон В.А. Указ. соч. – С. 11.

УДК 347.796.2

В.Ю. Шемонаєв

ПРАВОВЕ РЕГУЛЮВАННЯ ЗАГАЛЬНОЇ АВАРІЇ

Оскільки стосовно загальної аварії йдеться про кодифіковані звичаї, становить інтерес аналіз їх генезису, що дозволяє встановити закономірності їх розвитку і сучасні тенденції в цій сфері.

Основна мета статті полягає в тому, щоб дослідити генезис інституту загальної аварії і тенденцію його розвитку, а також дослідити традиційну і сучасну концепцію правового регулювання розподілу наслідків загальної аварії. Визнати, що правовідносини, які виникають при цьому, мають універсальний, наднаціональний характер.

Інститут загальної аварії виник ще у стародавні століття одночасно з появою торгового судноплавства. Деякі фахівці вважають, що першою нормою в цій сфері були стародавні звичаї острова Родос, які одержали назву “Родоського морського права” і широкое поширення, оскільки відображали основні положення в цій галузі всього давньогрецького права [1]. Однак принцип загальної аварії – “Те, чим довелося пожертвувати для всіх, повинне бути розподілене пропорційно між усіма зацікавленими сторонами морського підприємства” – був сформульований набагато раніше, а пізніше одержав подальший розвиток у правових нормах острова Родос, державах-полісах материкової Греції, Стародавнього Риму, присвячених регулюванню торгових відносин. Тому більш обґрунтованою вважається точка зору, відповідно до якої “Родоське морське право” є результатом синтезу зводу звичаїв на основі запозичень і творчої переробки норм фінікійського, арабського, звичаєвого критського права [2].